

**ВЛАДИМИР
ОДОЕВСКИЙ**

ЗАМЕТКИ О
МОСКВЕ

Владимир Одоевский
Заметки о Москве

«Public Domain»

1869

Одоевский В. Ф.

Заметки о Москве / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1869

«Москва изменилась. Прежде в мыслящей ее половине жили немцы; теперь мыслящие люди православны в высшей степени...»

© Одоевский В. Ф., 1869

© Public Domain, 1869

Содержание

⟨1⟩	5
⟨2⟩	6
⟨3⟩	7
⟨4⟩	8
Комментарии	

Владимир Федорович Одоевский

Заметки о Москве

⟨1⟩
1842

Москва изменилась. Прежде в мыслящей ее половине жили немцы; теперь мыслящие люди православны в высшей степени. Изучение памятников, возбужденное скептицизмом школы Каченовского^[1], произвело род православного фанатизма, который дошел до того, что умные люди почитают нужным давать разумный смысл всему нелепому, застывшему в Москве. Молодежь *donne en plein l'oe dedans*¹; Хомяков^[2], диалектический ратоборец, очень рад, что нашел поприще бесконечное для своего игривого ума и разумной шутки. Боюсь, чтобы это направление не дошло до апотеозиса московских тетушек. – Между тем ученые *ex officio*², как, например, «Ф. Л.» Морошкин^[3], отыскивают допотопную Русь, и их изыскания весьма замечательны.

¹ Всецело поглощена этим (*фр.*).

² По обязанности (*лат.*).

⟨2⟩

Москва

В некотором царстве, в некотором государстве жил был город Москва, в котором жили немцы^[4] и весело грезили в поэтических туманах Океновой^[5] и Шеллинговой философии; из этих немцев вышли люди разного звания: русские, полурусские и никакие; в Москве живут люди не полурусские, но и не русские, а православные, дельные и неделные; одни с фанатизмом роются в рукописях, другие стараются придать разумный смысл философии моих почтенных тетюшек, живущих частью на Покровке, частью на Ордынке, которые нисколько не подозревают такой неожиданной себе чести. Их мысли, речи, деяния – все воплотилось в новое поколение; Запад и все западное предано анафеме, и, как говорит Чаадаев^[6], «l'orthodoxie fait des terribles ravages Ю Moscou»³; читаются лишь книги, писанные славянскими буквами, поздравляют друг друга с именинами Кирилла Туровского^[7], многие дамы прочли Карамзина^[8] раз шесть сряду. Это направление дает совершенно особенный характер Москве; в гостиних цитируются фразы из Нестора^[9], как некогда стихи Вольтера или Расина. В умной стороне этого направления – Морошкин, который отыскивает нашу допотопную юриспруденцию; его лекции слушаются с восторгом; мне не удалось его слышать с кафедры, но в обыкновенном разговоре.

³ Православие производит ужасные опустошения в Москве (*фр.*).

3

Москва 1849

Тут штука простая, мои друзья. Вас обуяла лень, которая, как квас, сродна русскому человеку; вам наскучила эта ежечасная борьба, которая встречает человека в мире положительном: не легко сегодня принимать теорию какого-нибудь химического или метеорологического явления и завтра натолкнуться на какой-нибудь катализис или сфероидальность воды, которые заставляют все теории переделывать сызнова; не легко встречаться и с общественными вопросами, где дорога тянется тоненькой ниточкой между диким варварством и просвещенным безумием; не легко при каждом шаге спрашивать себя: согласен ли я с моими убеждениями? не подаюсь ли я в ту или другую сторону; не легко каждую минуту анализировать свои действия, когда силою жизни, в которой живешь, должен каждую минуту действовать; не легко бороться ни с собственными, ни с чужими сомнениями или предрассудками; не легко отличать постоянное от случайного, ни временное от вечного; вообще трудно жить и делать что-нибудь на сем свете; такая жизнь полна горечи и забот, часто требует мелочной хлопотливости и вместе энергической решительности, простоты сердца и глубокого знания людей, добросовестности и стратегии. Вам захотелось полениться; но как вы люди умные, то вы не могли не приискать какого-либо основания для своей лени; вы принялись отыскивать для нее благоприличное платье, несколько успокоительных букв; для того отбросили все сомнения, волнующие душу, но чтобы отбросить сомнения, вы должны были отбросить всю существенность. Тогда дело сделалось очень легким; все настоящее показалось вам столь скверным, что вы предали его полному презрению, но, к сожалению, незаслуженному; весь положительный мир, успехи наук, искусств, промышленности, для вас исчез; прошедшее приманило вас своею мертвенностью; оно прошло и потому спокойно, по крайней мере для потомков, а вам и нужно именно успокоение. Но этот скверный квиетизм ведет вас прямо – ужаснитесь – к католицизму римскому и иезуитскому, – ибо к нему первый шаг византийское словопрение. Там успокоение совершенное; не о чем заботиться! встретится ли сомнение в житейском быту, под рукою папа, а для обыденных надобностей *le directeur spirituel*⁴, – какой бы ни был вопрос, на все есть ответ, как в добром словаре, и, что всего лучше, с полной верою в понятия и страсти своего директора папист не только успокаивается, но еще творит нечто весьма благочестивое, ибо, как говорит св. Тереза: «Если бы Иисус Христос сам говорил мне что-нибудь, то я бы ему отвечала: *Pardon, Seigneur, mais je dois obéir vi à mon Directeur!*»⁵ – Вот удочка, на которую паписты словили столько людей, они играли наверняка, рассчитывая на самую постоянную и сильную страсть человека: рукавопустие, а чтобы обмануть потребность деятельности, также врожденной человеку, они заняли ее празднословием. Берегитесь этой удочки – и вспомните филолога Печерина^[10], который на нее попался. Не забудьте и Гагарина^[11].

⁴ Духовный наставник (*фр.*).

⁵ Простите, Господин, но я должна подчиняться своему наставнику! (*фр.*)

«4»

Москва в 1849-м году – торжественное празднество, нуждающееся еще в Петровой дубинке; болтовня колоколов и пьяные мужики довершают картину.

Вот разница между Петербургом и Москвою: в Петербурге трудно найти человека, до которого бы что-нибудь касалось; всякий занимается всем, кроме того, о чем вы ему говорите. В Москве нет человека, до которого что-нибудь бы не касалось; он ничем не занимается, кроме того, до чего ему никакого нет дела.

Комментарии

1.

Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – историк, профессор Московского университета, издатель журнала «Вестник Европы», где молодой Одоевский печатал свою прозу и стихи.

2.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – поэт и критик, один из вождей московского славянофильства. Идейные разногласия между Хомяковым и западником Одоевским не мешали их старой дружбе. См. переписку писателей.

3.

Морошкин Федор Лукич (1804–1857) – юрист и историк, профессор Московского университета. Сохранилось примечание автора к этому месту рукописи: «Морошкин человек высокого роста, приятной наружности с примечательно выдавшимся лбом; орган весьма приятный, похож на орган Шелехова; говорит красноречиво и несколько напыщенно, но это не мешает профессору».

4.

Немцами Одоевский вслед за тогдашними московскими сплетниками называет себя и своих друзей по Обществу любомудрия, увлекавшихся в начале 1820-х годов немецкой идеалистической философией.

5.

Окен Лоренц (1799–1851) и Шеллинг Фридрих-Вильгельм (1775–1855) – немецкие философы-идеалисты, чьи труды изучались юными любомудрами.

6.

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – русский философ и писатель, с которым Одоевский, несмотря на дружеские отношения, расходился во мнениях.

7.

Св. Кирилл Туровский (1130–1182) – русский церковный писатель.

8.

...дамы прочли Карамзина... – имеется в виду «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

9.

Нестор – монах Киево-Печерского монастыря, русский писатель конца XI – начала XII вв.

10.

Печерин Владимир Сергеевич (1807–1885) – русский писатель. Эмигрировал, принял католичество и вступил в монашеский орден редтемпористов.

11.

Гагарин Иван Сергеевич (1814–1882) – князь, русский дипломат и писатель. Эмигрировал, принял католичество и вступил в орден иезуитов.